

Е. А. Иваненко
М. А. Корецкая
Е. В. Савенкова

Зритель как оплот гуманизма

Ты и представить себе не можешь,
как фрекен Бок хочет попасть в телевизор...

Астрид Линдгрен. Малыш и Карлсон.

Как утверждает Ж.-Л. Нанси, «гуманизм есть поиск человеческой сущности», некий ответ(ственный) проект того, что такое человек. Как известно, гуманизм на рубеже веков пережил жестокий внутренний кризис и ныне является не столько концепцией, сколько общим местом культуры. Сегодня действие гуманизма сводится к культурной привычке. Гуманистические структуры используются как масс-медийные клише.

В XVIII веке апогеем теоретических усилий стал кантовский вопрос «Что такое человек?», увенчав собой пирамиду вопросов разума. Проект Просвещения предлагал различные теоретические конструкции ответов, различные сущности: Гражданин, Рациональное животное, Моральный субъект и т. д., и т. п., вплоть до Ариев-пролетариев. Но пока великие титаны Модерна сшибались лбами в *gigantomachia peri tes usias*¹ в борьбе за единственный престол, в отдалении стоял и смотрел скромный *зритель*. *Зритель...* а кто это, собственно? Незаметная фигура (однако, ради которой развернулся весь спектакль Просвещения) — бюргерское сознание, потенциальный субъект, готовый просвещаться и подвергаться воспитанию. В отличие от возвышенных метанарративов — поэтико-теоретических рассказов о Человеке — *зритель* (некто, кто угодно) всегда был просто функцией и никогда не претендовал на что-то большее. Это его и спасло от вымирания в гонке героических вооружений. Причем это не только сохранило ему жизнь, но и подарило власть, в конечном итоге безграничную. Хотя бы по той простой причине, что

¹ Борьба гигантов за сущность (*греч.*).

больше не стало ни одной сущности, способной поставить ему границы. Зритель был свидетелем того, как появились герои, как бились герои; он был свидетелем того, как герои погибли. Он был свидетелем того, что их не стало; теперь он свидетель того, что их нет, их нет, их нет... И вот, *зритель* — оплот гуманизма, поскольку он универсальный свидетель гуманистической пустоты. Он был воспитан как тот, кто просвещается, и потому он усердно поглощает новое, и никто не научил его завершать этот процесс.

В самом слове «зритель» (*spectator*²) есть некая двойственность — пассивность и активность одновременно. Окончание латинского слова указывает на активность субъекта (типа «креатор», «мелиоратор», «архитектор»), да и русское слово «зритель» тоже скорее указывает на некоего агента действия (типа «деятель», «учитель»). Однако по смыслу *зритель* — это пассивный собиратель информации, воспринимающий, впитывающий ее глазами. Таким образом, активность *зрителя* — это активность восприятия, в отличие, например, от активности актера. Деятельность *зрителя* состоит в потреблении, и в этом смысле зритель как структура вполне укладывается в рамки общества потребления, пришедшего взамен общества производства.

Другой стороной амбивалентности *зрителя* (активность/пассивность) оказывается пара уязвимость/неуязвимость. С одной стороны, как поется в детской песенке, мы дома сидим, с другой стороны, мы едем. *Зритель*, переживая бурные эмоции, погружая себя в пучину бразильских страстей или ментовских будней, всегда остается защищенным от тотального эмоционального кризиса и непосредственной опасности, угрожающей телу. Потому-то так приятно и интересно смотреть фильмы-экшн и триллеры, и даже передачи типа «врачебной тайны», где вживую перед экраном вскрывают человеческое тело. Жуть!.. Но не мое же... Мое тело в халате и в тапках, вцепившись в подлокотники дивана, страстно болеет за любимого героя и жадно вбирает в себя информацию, которая, *возможно*, никогда не пригодится — как выжить, например, на необитаемом острове. Возможно? Да навер-

² Зритель, созерцатель, наблюдатель (*лат.*)

няка не пригодится, так как количество советов, рекомендаций, методик для чего угодно (от похудения до постройки космического корабля) так много, что воспользоваться ими просто нет времени. И это не случайность. По большому счету нет и желания претворять в жизнь имеющуюся информацию. Знание — сила, и если ты знаешь, как стать звездой, — ты уже звезда. Это знания ради самих знаний, бесконечная эрудиция без интеллекта, без деятельности, без опыта. Интереснейший феномен, вызов онтологическому аппарату — как такое может существовать, да еще и в качестве доминанты культуры; в кантовской системе, например, такой феномен вообще не нашел бы себе места. Произошла некая инверсия; говоря кантовским языком, *продуктивная* способность воображения трансформировалась в *непродуктивную* способность воображения.

Современный *зритель* обладает огромным материалом и навыками собирания и восполнения до живой эмоции любого полуфабриката — примитивный сериал расцветивается собственными, схожими по теме переживаниями, воспоминаниями, ожиданиями и прочим эмоциональным инвентарем. Но *зритель* не способен более к формированию целостного поля опыта, это сказывается роковым образом на способности формировать суждение и производить что-то новое по поводу увиденного; таким образом, зритель не способен производить себя в качестве активного субъекта. Так по-прежнему присущая *зрителю* как носителю эстетической способности к различению способность воображения оказывается фатально непродуктивной. Место суждения заменяет симулякр такового — оценочное высказывание типа «круто!» или «фуфло!» или даже сведенное к механистическому алгоритму голосование вроде того, что «если вам нравится — нажмите 1, если не нравится — нажмите 2».

С одной стороны, *зритель* — это, конечно, продолжение традиции когитального субъекта, всеведующего наблюдателя, носителя разума, сосредоточенного в одной трансцендентной точке и потому неуязвимого, но обладающего предельной активностью, с другой стороны, сами напрашиваются следующие различия. Наблюдатель — это экспериментатор, руководствующийся внешней целью, причем всеобщего характера. Зрительский интерес, руководящий им в выборе зрелища, всегда носит частный характер; к слову сказать, потому-то

и опыт *зрителя* всегда остается частичным. *Зритель* любопытствует, его интерес никогда не фокусируется надолго на одном объекте, отсюда традиция «серфинга» по каналам. Наблюдательский интерес же порождает изумление — глубокое осознание событийности собственного ума по поводу предмета, отсюда критическая дистанция наблюдателя к самому себе, которой лишен *зритель*. Наблюдатель всегда наблюдает конкретный объект, конструируя его тем самым, *зритель* же просто смотрит. Ведь не важно, *что* мы будем смотреть; важно, что мы будем *смотреть*. *Зритель* просто тратит время жизни, заполняя его равномерным потоком переживаний, *зритель* совпадает с процессом смотрения, а наблюдатель всегда больше самого процесса. Опять же известная вещь: не мы переключаем каналы, но, в каком-то смысле, телевизор переключает нас. Мы, словно на работу, стремимся успеть ко времени любимой передачи — *это* важно не упустить! Хотя, если *это* упустить, в жизни ничего не изменится. Наблюдатель же не может позволить себе так расслабиться.

Зрительский процесс — это в чистом виде субъективация по Фуко, где субъект — это не начало и не конец, а ситуативный осадок. Как таковой непредсказуемый, а потому и неуязвимый. Этот процесс настолько увлекателен, что зачастую *зритель* отождествляет себя полностью со зрительским местом, отсюда возникает уверенность в собственной, в том числе физической, неуязвимости. Например, события 11 сентября наблюдали люди, стоящие на улице непосредственно под рушащимися башнями, с выражениями полного восторга на лицах, невзирая на то, что жизнь их находится под непосредственной угрозой. Еще более характерный пример того, как зрительское место стало абсолютно уязвимым, — это захват в заложники зрителей мюзикла «Норд-Ост». *Зрители* стали жертвами, автоматически превратившись в *зрелище*.

Зритель слишком привык, что, смотря на экран, он находится с другой стороны события. Это вызывает привычку смотреть на любое событие дистантно. Отсюда следует несомненная несамостоятельность, но при этом и специфическая эффективность — возникает, так сказать, «коалиция слабых», продуцирующая коммуникативную общность. По поводу увиденного невозможен серьезный опыт, но возможно

общение, более того, общение и оказывается тем единственным опытом, который доступен.

Можно провести аналогию между тем, что транслирует массмедиа, и фольклорными структурами, такими как сказки, например. Действительно, роль сказок сводилась к подготовке к различным событиям, в том числе инициаторного характера. Роль сказок была обучающей, сообщающей, как вести себя в каждой конкретной и неизбежной ситуации. Такова же роль массмедийных передач — они постоянно учат и готовят реципиента к событию «икс», разница со сказкой в том, что поскольку не определен род, то и не определим набор необходимых событий. Поэтому современного *зрителя* (как идеального гражданина мира) готовят ко всему — как бороться с вампирами при помощи презервативов, как выжить на необитаемом острове с Жанной Фриске, как приготовить крокодила, как вести себя, если внезапно родится ребенок от другого. *Зритель* впитывает в себя все возможные сюжеты социализации. По старой традиции Просвещения, но на свой лад современные медийные средства дают избыточную информацию о том, как быть идеальным человеком. Они же и производят этот образ в каждом *зрителе*. *Зритель* же, создавая коммуникативное поле вокруг тем медиа, поддерживает тем самым гуманизм на плаву.

Гуманистическая норма в ситуации кризиса метанарративов поддерживается за счет публичного осуждения отклонений от нее. В этом состоит социально-терапевтическая функция медиа-скандалов, медиа-маньяков, продажных политиков и т. п. Современная модель управления социумом застроена, исходя из принципа зрелища: медиократия основана на неписаном законе — каждый имеет право смотреть и быть увиденным. *Зритель* — это реальная политическая сила. Власть *зрителя* велика, приз зрительских симпатий способен решать судьбы не только отдельных программ, но и целых государств. За *зрителей* сражаются, но присвоить себе неуловимый зрительский интерес нельзя, так же как нельзя присвоить себе потоки информации. Их можно только перераспределять. *Зритель* становится товаром, и этот товар формируют, воспитывают, подвергают селекции. Современное культурное поле, как в парнике, возвращает изысканные сор-

та *зрителя*. Современный *зритель* — это не быдло, это искусственный, знающий, сверхспособный к восприятию овощ. Грядки целевых аудиторий возвращают разнообразный, хотя и типизированный пафос. Плюс еще грядка с экспериментальными сортами, чтобы иметь возможность в перспективе охватить неохваченные ранее интересы.

Зритель в принципе согласен быть пафосным овощем. Ведь это означает идентичность, способность к сообществу: мы, смотрящие канал «Культура», не то же самое, что вы, смотрящие сериалы! Инвестиции личного времени на просмотр должны компенсироваться получением новой информации, которая может улучшить и дополнить собственную гармонию. *Зритель* всегда *влечом* — это его основная характеристика и неотъемлемый признак. Желание посмотреть «что-нибудь» связано с потребностью *от-влечься* и *раз-влечься*. *От-влечься* от себя и своих проблем и *во-влечься* во что-то иное, что можно прекратить, просто выключив телевизор или выйдя из зала. Влечение как структура механистично, это эдакая машина желания, перемалывающая в своих шестеренках все острые углы, все сингулярное, производя на выходе типическое — зрительскую массу. С вариациями: зрительская масса с изюмом, зрительская масса с курагой... Что поделаешь, общество потребления!

Человеческое ищут везде — смерть автора избыла человека. Автором теперь может быть компьютер, но компьютер не может быть *зрителем*. И никто никогда не будет плясать перед машиной. Даже съемки перед камерой — это только опосредованное обращение к *зрителю*, даже если зрительское место никогда и не состоится. *Зритель* остается один на один со зрелищем — это приватное место, которое, тем не менее, способно соседствовать с другими приватными зонами. Темнота зрительского зала не позволяет видеть соседей — ты один на один со зрелищем, но вместе с тем ты в некоем сообществе, объединенном общей эмоцией, которая от этого увеличивает свою мощь. Когда вы слышите аплодисменты в зрительском зале — вы слышите эхо гуманизма.

Итак, если зрительское место определить как место приоритетов современной культуры, то становится возможным провести диагностику современности, отталкиваясь от ана-

лиза этого феномена. Быть зрителем легко; сложно составить суждение по поводу собственной зрительской ангажированности. Этой непростой задаче была посвящена работа философского клуба 2005-2006 годов. Методология работы заключалась в просмотре знаковых для культуры фильмов и его последующих обсуждений. Результатом этой работы стал цикл эссе, предлагаемых в данном сборнике. В частности в рамках предлагаемого проекта здесь представлены эссе «Мегалоплис эпох модерна и постмодерна в кино: от «Метрополиса» до «Города грехов»»; «Первые на Луне», или Правила кройки и шитья симулякра»; а так же студенческие работы «Эксперимент...» и «К вопросу о роли масс-медиа в массовом обществе».